

Андрей Грицман

Личное сообщение

Київ
Друкарський двір Олега Федорова
2022

УДК 821.161.1'06(73)-1

Г21

СЕРІЯ TEXTUM @RANEUM

Заснована у 2010 році

Грицман, Андрій Юрійович

Г21 Личное сообщение / А. Грицман. — К. : Друкарський двір Олега Федорова, 2022. — 140 с.

ISBN 978-617-8082-02-4

«Стихи Андрея Грицмана не имеют очевидных предтеч. Он сам изобрел самолет, на котором поднялся в небо поэзии. Напряженный лиризм и изысканная наблюдательность — вот первые качества его поэтического мира. Андрей Грицман живет в Нью-Йорке, но по сути принадлежит литературе метрополии. Нас разделяет океан, но сближает его талант и общий поток творческих поисков».

УДК 821.161.1'06(73)-1

ISBN 978-617-8082-02-4

© Грицман А. Ю., 2022

© Федоров О. М., видавець, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

I. Украина	5
II. 2-ая Мещанская	19
III. Личное сообщение	41
IV. Стихи недавнего времени.....	63

I

Украина

Сил ненавидеть не хватает.
Хватает сил дожить и спать.
Нас ждет подобие сарая
И многоспальная кровать.

А он неутомим в заботах.
Ему, по сути, не до нас.
Мы пчелы в позабытых сотах.
И там не слышен дальний глас.

Один нам путь – вернуться к устью
Давно исчезнувшей реки.
Оглянешься: там тоже пусто.
Но где-то светят маяки

У берегов нам недоступных.
Давно уплыли корабли.
Там птицы умирают грустно
На ложе выжженной земли.

Но есть генетика спасенья
В глубинах нелюдимых недр.
И длится вечно воскресенье
Там, где стоит последний кедр.

Вот опять по Харькову стреляют –
говорит коллега по работе.
Жалуются – все уже устали.
Есть другие важные заботы.

Ипотеки, дети, кошки, мышки,
сериалы, сахар, желчный камень.
По ночам он уже еле дышит.
Но предупреждали нас заранее.

Про 101-й, шмоны мы все знаем,
и что ждут товарные вагоны.
На ветру еще полощет знамя
и синеют новые погоны.

Жизнь идет. Стареют наши ткани.
Но совсем не отмирают гены.
Говорят, что заживают раны.
Вы спросите у военнопленных.

И идет теперь обмен отбором,
категории живого материала.
Ну какие могут быть тут споры.
Все хотят украинского сала.

Бесполезны эти разговоры.
Все вернулось на круги отчаянья.
Коли люди прячут деток в норы.
Перемирие – по умолчанью.

Мы опять стоим у рва забвенья.
Там белеют ночью наши кости.
И пока не видно воскрешенья.
Ветер свищет на пустом погосте.

Литропроцесс

Строфы и строки
Премии грамоты
Русская грамота,
анжамбеманы
Прения, чаяния
Силлаботоника
Резко, как выстрелом – все позабыто
Только просодия протоотчаяния

Только подсчеты заметки и списки
Стингеры, Танки и БТРы
Сводки, сирены, черные скверы
И перебежки в радиус риска

Все что накатано
Все что написано
Стало бессмысленно
В зоне безумия
Харьков, Херсон, Мариуполь и Сумы
В жженном мозгу
Бешеным зуммером

Вот и хватило на век наш
Беспамятный
Крови текущей
Горючего черного
Жовто-блакитного от возгорания
Рваное жовто-блакитное знамя
Реет над нашим обугленным зданием.

Мы ведь все уже проходили.
Газеты – плохо выученный урок.
Словно свет небес погасили,
стал не виден обитый нами порог.
Где не раз спотыкались, ломали
кости, надежды, и судьбы тех,
кто лежит в гробу, как в школьном пенале,
взяв на память свой первородный грех.
А ему не до нас. Ждать потопа, Гоморры?
Кто знает плату за идиотизм?
Молчит, задремав, Средиземное море,
закатным оком блеснув на миг.
Что делать? Ответ сгноили. Но все же:
детей не есть, барана разбить,
кровь не хлебать, и тогда забрезжит
на той стороне, где земля родная,
охранная линия береговая,
до которой нам
никогда не доплыть.

Окаянные дни.
Те же скулы, только мясистей.
Сколько лет те же тянутся серые сны,
Словно дым над Россией.
И грохочут составы к замерзшей реке,
за последний тревожный рубеж.
Я пристроился тихо в вагон для калек.
Там особенно воздух свеж.
Нет газет, только слухи с далеких равнин,
где мерцают селений огни.
Полоса отчуждения: копоть да тлен,
обгорелые ветви одни.
Я давно перестал пересчитывать дни.
Как живу так живу, словно стертый
тот жетон незаметный на илистом дне.
Никого я не помню. Ну Бабу Ягу.
Утонула как будто в зеленом вине.
Ну Кащей – он вечно бездомный.

После римских чудовищных игрищ
Азазель судьбоносный вздремнул.
Съел на завтрак питательный овощ,
на экран полнокровный взглянул

Просчитав в перерыве медали
он холеные рыла собрал.
Приказал нажимать на педали,
закрутился смертельный аврал

Море, небо, земля все покрылось
мокрым, слизистым слоем речей.
И кивают холеные рыла
обладателю страшных ключей.

Смертно смотрят из нашего века
кто коснулся последнего дна.
Пахнет серой, и кровью, и мраком,
и идет не война, а резня.

«Слово и дело! Слово и дело!»
Ключьями крик по замерзшей равнине.
Снова ворота помечены мелом.
Леший с корягой ждет и поныне.

Все еще звон от монгольского гона.
Все еще свет от костров поминальных.
Теплится кровь от тихого Дона.
Гуд поездов товарных и дальних.

Выдох и вдох на широких равнинах.
Слышится колокол по перелескам.
Щерится чаща в дзотах и в минах.
Но по прилавкам колбасных обрезков,

пива навалом, воблы и сала,
наглых девиц и бездонного газа.
А на Днепре им все еще мало!
Мало им было с прошлого раза!

Еле заметен на небе едином
облик звезды первоначальной.
Дышим ползущим удушливым дымом,
вместо бесцельно погибших печальных.

Засохший фикус на окне.
С икон кричащее молчанье.
Обледенелая страна.
Так обезжизненна судьба,
что и душой неузнаваема.

Блюдут ублюдки свой уезд,
Промолвит: слово; кликнут: дело!
Послушно пахнет русский лес.
Но черной кровью тяжек вес
у обездушенного тела.

Август 1968-2008 гг.

Преображение. Осень не настала.
Пьянящий дух от яблок, крови, водки.
Я помню паровоз «Иосиф Сталин»
и у Джанкоя ржавую подлюдку.

Свободный мир за пару километров:
Комфорт Москвы с её теплом утробным,
с загробной вьюгой, поземельным ветром.
Родной брусчатки хруст на месте Лобном.

За сорок лет уж все давно забыли
цветы на танках, как навис Смирковский
над площадью, где Кафка в черной пыли
писал письмо Милене, ставшей дымом.

Броня крепка и танки наши быстры
по Приднестровью, по пустыне Гори.
Мы – по долинам и по дальним взгорьям,
от тихой Истры до бурлящей Мктвари.

За сорок лет ракеты заржавели,
сотрудники попали в президенты.
Всё так же Мавзолея сизы ели,
хотя и потускнели позументы.

Но чёрная река все льет на запад,
и шоферюга ищет монтировку.
Над Третьим Римом хмарь и гари запах
и ВВС на рекогносцировке.

Хроника текущих событий

Мы ведь все уже проходили.
Газеты – плохо выученный урок.
Словно свет небес погасили,
стал не виден обитый нами порог.
Где не раз спотыкались, ломали
кости, надежды, и судьбы тех,
кто лежит в гробу, как в школьном пенале,
взяв на память свой первородный грех.
А ему не до нас. Ждать потопа, Гоморры?
Кто знает плату за идиотизм?
Молчит, задремав, Средиземное море,
закатным оком блеснув на миг.
Что делать? Ответ сгноили. Но все же:
детей не есть, барана разбить,
кровь не хлебать, и тогда забрезжит
на той стороне, где земля родная,
охранная линия береговая,
до которой нам
никогда не доплыть.

Отчет о поездке

Побывал я недавно в стране ГРУ,
где алеет восток на пустом Москворецком.
Там хожу по проезжей, искушая судьбу.
Что ж в Москве не бывал я в мертвецких?

Были лучшие годы – серебряный спирт,
Жигули, то есть, пиво с прицепом.
Где в больничном листва прошлогодняя спит,
Via Vitae – пустынным лицеем.

Ну а мне-то что нужно? То девушкам знать.
Украшают пленер тот унылый.
Если честно – им нечего больше и ждать.
На перроне судьба их застыла.

А они все же верят в живую судьбу.
Понимаю и тоже я верю.
Помню светлых, им тесно в осинном гробу.
Запах почвы, пропитанной серой.

Как и раньше, шеренги на запад идут.
Край наш скошен полковничьей бритвой.
Каждый третий ступает по тонкому льду,
и на свору шипит Лжедмитрий.

Почауют детей в ожиданьи татар.
И грозят нам светящейся палкой.
По сосудам плывет маслянистый товар.
Хорошо все. Людей только жалко.

А.Кабанову

Осторожно. Не прислоняться.
Двери закрываются.
В вагоне пусто.
Сесть что ли в угол,
почитать Пруста,
Кабанова, Рильке ли, имярека.
Грустно. В вагоне ни человека,
ни души, только отсвет звука.
Входим в тоннель. Ну какая сука
так вот придумала -
жить с этим бредом?
В той темноте, черней чем сажа.
В ожидании света.
Что скажешь, Саша?

II

2-ая Мещанская

Это я ни к кому.
Закрываю глаза и плыву
в Карфаген моих зим,
где посыпаны солью дворы,
где татары живут
с незапамятно-мутной поры
и где в пять пополудни
давно уж не видно ни зги.
Желтый булочной свет
на сугроба холодной муке,
и в кромешности труб
блеск летит по незримой реке.
Там вглухую играли
у сытных парных кабаков.
А теперь ты стоишь
у трамвайных бессмертных кругов.
Ты стоишь у прудов,
на окраинах дуг голубых,
на старинном снегу.
Говоришь ты, но голос твой тих.
Я тебя не встречал
ни с друзьями, ни в школьных дворах.
Лишь порой на семейных
обрамленных фото,
что стоят на комодах
в теперь опустевших домах.
Там, где шарят впотьмах
звезды, фары машин
в тишине и при ясной погоде.
Я тебя узнаю. Закрываю глаза и плыву,
абонент всех сетей,
по бездомной теперь Божедомке.
Ты меня не ищи,
ни по спискам, ни в ликах витрин.
Я живу далеко,
у какой-то невидимой кромки.

Расписание движения пригородных поездов
Я оставил в вагоне на станции Болшево.
Запасные пути застилает листвой.
Маневровый курсирует осторожно.
Дальних дачных поселков медленный тлен
Растекается плесенью по участкам.
Но оттуда не деться мне насовсем.
Не дойти до станции перелеском.
Вдоль платформы мерно качало в стык.
До конечной видимо не доехать.
Шел один, другой начинался век,
полустанков минуя гнилые вехи.
А теперь вагон навсегда застыл.
На морозном стекле проступает имя.
Я не помню: наверно, всегда там был.
Слышно где-то товарный проехал мимо.

Гудериан потрогал усы.
Поправил бинокль на груди.
Заметил снежинку над выжженным полем.
Начало конца – подумал Гудериан.
Снаряд пролетел к невидимой цели.
Генерал развернул крупномасштабный план:
Александров, Вязьма, Химки, Звенигород.
Нависли дожди, и дохнула зима.
По небу плывут смертельные рыбы.
Замерзли в покое достигшие дна.
Застыли поля и леса и озера.
В безнадежном покое на фото Гудериан.
Свет посерел. Зима наступает скоро
в наших краях. На мертвое поле
снежинки летят – безмолвные вести,
слепые агенты ближних и дальних
переименованных стран.

Ничего не осталось.
Лишь июньская пухом метель.
Еще пару пивных,
да трамвая кольцо за заставой.
Да в заросших дворах над площадкой
футбольная пыль.
Ну а что там еще?
Слава Богу что это осталось.
А теперь как понять, и как вспомнить,
о чем там грустить?
Бог с ним с детством и с юностью,
с лиственным дымом.
Голубятню сожгли,
потерялась последняя нить.
И покрыт чешуей
мертвый пластик четвертого Рима.
Ничего не осталось.
С Воробьевых теперь не понять.
Белый город покрыли
паутиной охранных надзоров.
Но свободна моя
по бульварам бредущая память.
Только следом летит
незамеченный в сумерках ворон.

Каждый отвечает за себя.
И оставьте Родину в покое.
До конечной – в поезде судьба:
Квинс или платформа Бологое.
Над полями темными летит
тень души в безвременном пространстве.
Холодно мерцают на пути
города – фантомы постоянства.
В городе зайдет в безвестный бар.
Подружившись с барменом навечно,
выйдет приютиться до утра.
Как и всем ей хорошо прилечь бы.
Утром, не простившись, в путь идти
в поисках неведомого дома.
Жизнь души проходит на пути
от реки до озера и дыма.
Там, где нет ни родин, ни границ,
мертвенным луна зияет светом.
и душа с звездой говорит
никогда не ведая ответа.

Прохожу по странным городам
как охранник вдоль глухих окраин.
Иногда по тлеющим следам
в тех местах, где часть души оставил
И когда тепло далеких встреч
освещает угол, лавки в сквере,
я хотел бы тихо навзничь лечь
и поплыть к себе на остров веры.
Хорошо по чуждым городам
находить себя, вести беседу
с близнецом своим. Когда беда
подступила, он разводит беды
Гипсовой рукой, и нет его.
Снова я один, готов к уходу.
Черное ночное молоко
вдаль зовет искать живую воду

Где-то, за развалом домов, брандмауэров, пустырей и скверов
в кирпичном доме на краю города
за темным столом с обрывками писем, сухих листьев,
чьих-то брелоков
сидит она долго, одна, наконец-то поверив,
хотя уж давно прошли все сроки.
Читает давнишнее, воздух, выдох, превратившийся в камень,
халцедон коктебельский, гранат нью-йоркский,
прозрачный янтарь с времен заморских,
с берегов, где заросший подбитый торпедный катер.
Все, что мне нужно знать, выжить, поверить,
что сидит она там за столом одна, читает.
Задумчиво слышит как зову я прерывистой речью
засыпанной снегом, белым песком,
странным чужим говором дальним.
Читает, вспомнит, выпьет чаю,
в календарь прошлогодний глянет.

15-я Парковая

Он вышел за хлебом и молоком.
Она зашла к соседке за солью.
До вас, до балкона подать рукой,
но в руках авоськи висят до боли.
Туда мне, пожалуй, и не дойти.
Их этаж висит над кольцом троллейбуса.
Так бы и жить, когда жизнь в горсти,
а не загадкой заморского ребуса.
Я шагнул тогда вдаль, отмахнув легко.
Предпоследняя жизнь – фантомной болью.
Он вышел за хлебом и молоком,
Она навсегда к соседке за солью.

Две пачки «Дерби», «три звезды»:
Отца загашник в угловом серванте.
По книгам – память дачная листвы.
В двенадцать – неизбежные куранты.

Я рос за шкафом. Вроде счастлив был.
Морозным утром не ходить бы в школу.
Теперь, наверно, многое забыл.
Но не забыл столбнячного укола.

И не люблю собак. Котов люблю.
И сам, как кот, крадусь по закоулкам
своей души. И вижу наяву
из булошной поджаристую булку.

То слойка, калорийная, а то
калач московский – признак воскресенья.
Вот я уже стою совсем в пальто,
и бабушки летит прикосновенье.

Теперь душа издалека глядит
на обледенелую планету.
Сквозь атмосферу светит теплый быт,
курантов звон и «Дерби» сигареты.

Говорят, что молчание – тоже есть речь,
диалог с пустотой, спор со смертью?
Речь заговаривает порчу – прочь
убираться. Но живут же на свете

смертный Кашей и баба Яга.
Да и сам я куда-то хромаю.
Давно уж молчит ваш покорный слуга.
Но надеюсь, что девятого мая

выпью и речь потечет, как ручей.
И отец сто историй расскажет
о далекой, бульжной Зацепной Москве.
Но заходит на ужин все реже.

Да и сам я все реже сижу за столом.
Все дела, форс-мажоры, заботы.
А невидимый голос ворчит – поделом,
ты заполнил последнюю квоту.

Потому и молчание тоже есть речь,
И висят мои образы зримо,
Но не видно в тумане – навстречу там кто?
Ну и слава Богу, что мимо.

Вспоминая Тарковского

Все больше тех вещей, что я забыл.
Но все они живут еще в сознании,
в глубинной памяти любви
и в осязании.

Где та любовь, где медленные танцы?
Где батники и узких юбок зовы.
Где «Лира», «Адриатика»? И мы – посланцы
из дальних и полузабытых снов.

Где булочки с корицей нашей мамы
и темный танк трофейного буфета?
Где черно-белый Хемингуэй без рамы,
и в ящике Стрельцов и Игорь Нетто?

По темным комнатам, где медленные танцы
косит «Кометы» глаз на чудо зада.
Безумство пряди на щеке, о Джо Дассен, дым «Солнца»,
О Лафарет Мари и польская эстрада!

А за окном, где тихий снегопад
такси в разнос в Чертаново во мраке.
Но «Плиска» есть с собой и как судьба
снежинка на ее черненном веке.

«Тум ба ля неже» и «Амур пердю»,
И душу рвет аккорд про ряд Каретный.
Отвертки у шпаны в электропоездах,
Один неверный взгляд и шаг неверный.

В Москве к полуночи ленивый снегопад.
В парадном тишь и гладь и подоконник,
где счастье обрести, невинность потерять,
расстаться с ней бесследно и бессловно.

Грохочет лифт, пора, мой друг, пора,
зажат в кармане рубль заветный.
Чтоб добежать, успеть и прыгнуть навсегда
в вагон случайный и последний.

Все ухаает медленно баба копра
обычно под утро по темени.
Тащиться дворами во тьме по утрам
в урок бесконечный, вневременный.
Давно уж наполнен бассейн до краев,
труба бескорыстно все гонит
в бездонный логически водоем.
И пересчитать перегоны
от города А до города Б
не хватит физтехомехмата.
И в зыбкую ткань остраненной судьбы
вонзается керн сопромата.
Но мне повезло, и я избежал
логический карцер расчета.
Открытые скальпели тысячью жал
открыли мне смысл переплета
нейронов, синапсов, пульсаций узлов,
мерцанье их ада и рая.
Когда понимал я бессмысленность слов
по кости височной гадая.

Трофейный ковер.
Молочное пятно.
Пять лет, ангина.
Легкий след от Советского шампанского.
Отец молодой, новый 1955-й год?
Ковер вечный, такая работа.
В глубоком слое – следы
немецкой семьи,
Бранденбург, Силезия?
По линии наступления 33-й армии.
Вот мы и породнились.
Трофейный ковер.

Дачные хроники:

Дача - Болшево, время 50е- 60-е гг.

Давай пройдемся по садам надежды
Елены, Ольги. Там, где были прежде.
Туда, где ждет в траве велосипед,
где даже тени тянутся на свет,
опережая ветви.
Где за малиной потный огород
сам по себе загадочно растет.
Забывтый мяч подслушивает сонно,
как кто-то там топчет воспаленно
в смородине: Лариса не дает.
Где рыжий кот на жертвенную клумбу
несет души мышьиной бранный прах
по вороху газет у гамака
и чуткой лапой трогает слегка
в газетной рамке Патриса Лумумбу.
Плывет с небес похолодевший свет,
предметам на лету давая форму.
Электропоезд тянется в Москву,
тревожа паутину и листву
осины, праздной у пустой платформы.

Дача - время 2020 г.

С тех пор минуло лет так шестьдесят
Давно забыт размеченный косяк.
Смородина растет среди бурьяна
Прут супермаркеты вокруг, зато в овраге пьяном
Все ждет меня наивный тот мудака.

Ларисы нет, вся съедена эпохой
Сто лет гордилась аппетитной жопой
Но вот увы, мой друг, пора, пора
Для новых жоп идет своя игра.

А что ж Елена? Это разговор!
Клубок Елен – ведь это целый мир.
Скатился он туда ж в пустой овраг
Куда ведет пустая колея?
Что с ними случилось? Знамо ничего.

А Ольга что ж, ей все же повезло
Счастливо вышла за свово козла.
С тех пор жирует где-то в Санта-Фе
Ядрена мать! Могла быть и в Уфе!

Лумумбу жалко! Бедный идиот
С паханами связался – вот итог.
Спецназ бельгийский и жесток и быстр
Был у Лумумбы слабый организм.

Скучаю по коту, уж столько лет.
Не важно где, в Нью-Йорке, иль в Москве.
Порой мне кажется, что я все же тот же кот,
Сную в кустах, но где-то далеко.

Электропоезд – далее везде
Идет все дальше по моей судьбе.
И на платформе вроде вижу тень.
Стоит она всю ночь, потом весь день.

Надежда что ж? Она всегда со мной
Тот дачный дом обходит стороной
В прекрасных снах. Малинника лишь нет.
Сочится сквозь невыразимый свет

Перед грозой. А Катерина спит.
Так далеко, что звуки Аонид
Там не слышны. Пора мой друг, пора.
Уже налито, и идет игра,
И ждет на блюде черная икра!

Матросская тишина.
Тишина в больничных дворах.
Тополя и крапива, репейник
древние вязы.
В эту пору летит сквозь эпохи таинственный пух
На брусчатку, в окно и на лист,
покрывая отдельные фразы.
Уплывает как облако в бездну страна.
В гробовой тишине – клекот, гуд,
Но и звон Новодевичий слышен.
И седой Чаадаев сидит за столом у окна
И грустит по друзьям
И письмо позабытое пишет.

Стакато печатной машинки
Из пачки шестой Беломор
Смотри чтоб совсем без ошибки
В глазах ее скрытый укор

Он ходит к окну, переводит
трофейный строчит Ундервуд
И ноет нога по погоде
Тогда защищали Москву

Она дождалась в Казахстане
Он выжил под Вязьмой в снегу
И словно фантомную рану
Я детство забыть не могу.

Тогда я не понял ошибки
Что мир тот не убережь
Из Лодзи потертые снимки
шуршащую польскую речь.

Но есть этот миг, тот который
ты носишь в себе через жизнь
От мира задернуты шторы
и бабушка шепчет: усни.

Все окончено. Закрыта Москва.
Коченеет в чернеющей грязи.
Это время, когда невозможны слова.
Да никто ничего и не скажет.
Это люди такие, несущие крест
своей душевной гордыни куда-то.
Но, ведь нет таких пространств или мест.
Страстотерпцы в пустыне Арбата.
Слава Богу простыл, стал прозрачным мой след,
но остался мой собственный голос.
Не ищите. Да кому ты!.. Ну нет меня, нет.
Но пока не закончена повесть
в полном воздухе слышится долгий гудок
или крик наподобие гуда.
Скоро март, но останется черный ледок
за пунктом для сдачи посуды.

III.

Личное сообщение

Что нам осталось, что нам осталось?
Несколько слов не досказалось.
Бар на Тверской, Ярославский вокзал,
трансатлантический мост, электричка,
Аэрофлот, океана слеза.

Много ли мало, не важно теперь.
Где эта улица, где эта дверь?
Сколько осталось, много ли, мало?
Нас покрывает одно одеяло.
Вместе и рядом. Пространство и время.
Нежность нельзя килобайтом измерить.

Это и есть та самая доля.
Светится электронное поле.
Вот и осталось: кивок на экране.
Я не прощаюсь на срок и заранее.
Знаю ответы: срок не отмерен.
Что же осталось? Пространство и время.

В жизни моей так получилось:
Прядь и очки, через границы,
Голос в ночи
и знак на ключице.

Неслышимый шорох запыленных фото.
Молочное свечение рутины.
Так в сумерках глухого карантина
спят пятна неразборчивого света.

Непрочна ткань родительского быта,
вернее материнского, другого
и нет, другого нить забыта.
Потеряна иголкой от живого.

Поэтому и строишь на рассвете
дом, теплый и условно-иллюзорный,
когда душа, теперь за все в ответе,
плетется от парковки вдоль забора.

Ты когда-нибудь снова входил в свою прошлую жизнь,
где твои зеркала висят по текучим стенам?
Проснись, говорит она. Говорю: проснись!
Это только ночная дикая пена.

А ты как зомби идешь один, говоришь с детьми,
в голове крутишь Солярис, чай пьешь с тенями.
Проснись, живи третью жизнь: она все твердит.
О чем говорить, когда близкие приходят за нами?

И чтоб ты ни делал, куда бы ни шел,
заломив на седой голове незримую кепку,
далеко не уйдешь. Так зияет неровный шов.
Ползет, на живую нитку любви сшитый некрепко.

Так все узнаваемо, зримо при свете сквозного дня,
больнее и резче чем донной бензодиазепиновой ночью.
Как жить-то можно теряя, бросая, рая, но лая,
когда время не лечит и боль пульсирует горше?

Что рассказать мне тебе за отчетный период?
Осень прошла, потом лето, потом незаметно
странные вести дойдут на почтовой открытке.
Я бормочу себе тихо, блуждая без места.

Времени все же хватает на мелочи жизни:
взять огурцов, не забыть захватить и укропа.
И шелестят вдоль Гудзона безвестные листья.
Я же стараюсь посылно прожить по закону

влажной природы, по-прежнему переселенцем.
Голос услышать из западных дальних пределов.
Видишь, как в воздухе бьется соколом сердце,
так же легко на тот голос, взлетая над телом?

Сериал. 73 серия

Неоновые светляки через овраг за лесом
окраиной за свалкой, за бугром.
Мерцание, под пасмурным навесом
мимо реки. Заброшенный паром

давно прибит. Болото дышит паром.
Идет тропа, крапива, бересклет,
к окраине, где можно жизнь задаром
отдать, начав безвременный полет.

Там на краю, последний в поселенье,
стоит кабак, таверна, Irish bar.
Фонарь горит, и волглый запах тленья
ведет в пустой неосвещенный зал.

В окне горит неоновое OPEN.
Мерцает мерно пару сотен лет.
К полуночи хладеющая осень
зовет войти на тот лучинный свет.

Сижу один и думаю пора бы
еще одну допить и быть в пути.
Там светляки еще мерцают слабо.
Еще одну допить – и в жизнь уйти.

Я помню – я там жил
я никого не звал
но я кого-то ждал
гостиница, канал,
кораблик уносило
под мост в Большой канал
Но ветер был неровный и неверный
Где он теперь? У острова наверно.
Недолго к Сан-Микеле
Давно это прошло.
А я все думаю
кораблик тот уплыл
среди роскошной гнили
хранится плесень той пропавшей были
Я помню я там жил
я никого не жду
как наяву я вижу эту воду
которая сулит лишь долгую беду.

Ты ж мне сказал, что ты ее убил?
В шестой строфе, в седьмой, потом, наверно
бредешь один к себе домой, один,
чтобы закончить этот стих неверный.
Ничто не предвещает, так должно
и быть, и есть, и присно и вовеки.
Когда конец судьбы заволокло,
застыли ночью в удивленьи реки.
Опасно говорить, предсказывать, гадать.
Стихи парят над шехины долиной.
Решишь от них отделаться с утра.
За бэгелом идешь до магазина.
А стих живет, и шепчет сам себе:
не убивай, дай выжить. Вас навечно
сведет строка. Взлетите налегке
по дугам нескончаемым навстречу.
Так решено, так сказано, но там
тревожные цветы цветут неумолимо.
И в оправданье что-то шепчет он,
когда она легко проходит мимо.

«Ситуация грустная моя дорогая»
Ты – на Итаке, я – в Атлантиде.
Что-то вроде подводного рая,
где видны отраженья в полете.
Самолеты – к горам с океана.
Но гостиницы темные ночью.
Мы с тобой избежали Левиафана,
Но с собой сами боремся вечно.
Борьба бессмысленна. Но когда я вижу
тебя в цифровой красоте навскидку:
причем здесь, думаю, повороты жизни?
Они сами в тоске пропадут бесследно.
В темноте негасимы светляки страсти.
Неуловимы кольца их перелета.
Я меняю дом, кожу, за местом место.
Но душа плывет на источник света,
оставляя вес беспризорной плоти.

Все тот же поворот, и дом, и дым.
Горит камин, ноябрь, наверно,
в гостиной у огня сидят они, как мы,
в той жизни, позапрошлой и неверной.
Все это ожерелье городков,
душою облученных поселений,
скользит под мгlistый памяти покров
за поворот, и легче по осенней
листве скользить навстречу той судьбе,
где я один. За окнами все немо.
Я говорю теперь не о тебе,
но о тепле потерянного дома.

На Покрова земля замерзает.
Тепло не вернется.
И чудо сверху
какую новую
жизнь готовит.
Деревья стоят как живые вехи.
Индейское лето октябрь окрасит,
хайвеи тонут в безумье красок.

Кого б спросить?
Да и так все ясно.
В душе остался сухой остаток.
Гадай на куще, моя игрушка.
На Покрова невозвратна осень.
Идет царевна, зовут лягушка,
уже без кожи, закрывшись шарфом.

Оставляя опивки прошлого,
переходишь к другому столу.
Там застыли все тени пришлые,
но потом уходят во тьму.

Я и сам выхожу на ветер,
и пытаюсь найти себя,
набираю ее весь вечер.
Но ответа не находя,

все же знаю – есть жизнь за гранью
быта, чертова бытия.
И за болью, за расставаньем -
есть наш дом, там, где ты и я.

Хоть бы еще полчаса полежать и подумать
В месте, в котором можно легко и бездумно
Перед собою самим сдержать обещанье.

Ну а о чем – все неважно, лишь бы осталась
Эта минута, когда нам не нужно ни слова
Замерли мы и под нами основа
Земли и небес покрывало.

Ты уж прости меня за высокопарность
Знаешь бывают минуты когда это можно
Ну а потом где-то грохнет тревожно
Быстро уйдем, к нашей жизни, туманной и прежней
Но это место осталось, между нами осталось.

Ничего нам не остается
В одиночку выть на луну?
Боль и зов – так любовь зовется
Не оставлю тебя одну

никогда, ибо не простится
расставанье, пустая кровь.
Не забыть нам родные лица,
и знакомый случайный кров

Потому и союз наш крепок –
запах тайны необъясним.
Мы – как будто друг с друга слепок.
Остальное лишь шум и дым.

Я смотрю в окно рассеянно долго
То солдаты пройдут, то дождик мелкий
То соловей-разбойник по делам проедет
Прошагают к оврагу тихие дети.
Где-то мой брат за кордоном маячит
Единственная, не найдя меня, плачет
На ничейной земле спит безмолвная хвоя
Только теперь я понял что нас было двое
Стою отраженьем в окне полигона
В крайнем доме на улице блудного сына
Я бы так хотел домой к тебе возвратиться
Чтобы снова не знать куда мне там деться
Только из памяти стерлись все лица
Сон этот канул во время оно.

Я видел все, я видел кровь
и свет мерцающий в пещере
и бормотание до слов
и узнавание до веры.
Теперь для нас тот мир открыт,
где мы проходим словно тени
в нераспустившейся листве.
А птицы на далекий север
всегда летят навстречу нам.
Мы там наверно зазимуем.
Там каменный Эдем, тот сад,
и статуи протянут руки,
отбитые во время войн,
в которых мы нашли друг друга.
Пускай лишь это только сон,
в пути к той крепости на юге,
где мы живем. Бессчетных лет
течет невидимая пряжа.
Я вдруг заметил на челе
твоем и на щеке
остался след
священной сажи.

Тени сливаются, извиваются, шепчут, советуют,
исчезают, подмигивают.
Я остаюсь, понемногу вдыхаю, разговариваю с собой,
некого перекрикивать.
Есть два кота, два компьютера, папки,
где дремлют семнадцать стихов, восемь писем.
Тени не знают, не слышат, не внемлют.
Может быть, не было слов, только выкрики,
только выжимки, только ужимки,
пожимания рук в одно касание.
Все меняется на таком расстоянии – в восемь часов,
в тридцать лет, не докричишься, не дозовешься
в таком состоянии.
Прощаясь с теньями, я оставляю на выходе:
почетную грамоту, путевку, курсовку, единый билет,
билет на елку, пропуск на кухни,
где на едином выдохе все ваши рифмы, смешки,
подхихиванья, и уютнообразный креповый гроб.
Тихо на острове: все зарастает тихими травами,
цветами, звездами. Только порой заявляются гости,
милые тени из тихого хвороста, тени забытые,
Тени, гости ли.

Транзит

Ю.Л.

Мы идем по тропе невозвратной.
Не хватает минуты присесть.
Не найти нам теперь тех парадных
где теряли мы юную честь.

А теперь не в чести собираться
пожелтевшие книжки листать.
Одиночки подводного царства
на себя загляделись с моста.

На другой стороне силуэты
наших близких ушедших давно.
Каждый день вспоминаем приметы,
и далекое полотно

где давно затерялся товарный
среди черных горелых лесов.
Да и ты вспоминаешь наверно:
Дед Мороз нам когда-то принес -

обещание где-то маячит,
нашу летнюю память навзрыд
подмосковную хвойную дачу,
этот шаткий измайловский быт.

Слава Богу что знать нам не надо
где таится последний придел
Мы далеко. Но все-таки дома
и пол-банки еще не предел!

А теперь между двух океанов
мы живем. Это брат не кино.
Пролетают ничейные страны –
не успеешь заметить кивок

от какой-нибудь незнакомки.
тоже вышедшей налегке,
потерявшейся в поисках дома.
Лишь плывут города по реке.

Потому не найти переправы.
Да пожалуй она ни к чему.
Берег левый становится правым
как бывало когда-то в войну.

Ну а нам и она не досталась.
Поколение разъятых сердец.
Но покрыты одним покрывалом
спят в обнимку и сын и отец.

Что осталось? Смотреть друг на друга,
Так, когда и слова ни к чему.
И шумят где-то наши пороги
И озера глядят на луну.

Ничего мы не потеряли.
Да пожалуй и не нашли.
Мы о правде когда-то кричали.
Но потом мы на Запад ушли.

Помнишь – временный лагерь в чащобе,
Среднерусская полоса.
И далекое низкое небо.
Все прошло словно в мае гроза.

Но осталась, нам вместе осталась
Эта странноприимная связь
И какая последняя станция
получилась транзитом для нас.

Оказалось – одна нам дорога
По пути огласованных вех.
И какие там к черту итоги,
И какой начинается век.

В ожидании последнего слова
семь десятков – последний галут.
Сердце бьется, чтоб вырваться слева,
чтоб жена ночью пала на грудь.

Мы за нашим столом не скучаем.
Может кто-то из ближних зайдет.
На холме миражом – Ерушалаим.
Стол накрытый – на будущий год.

Невесомость

Мне приснилось, что я невесом.
Ну, приснилось! Но утром, проснувшись,
я взлетел, н с небритым лицом,
и, увы! – не добрался до душа.

Я парил словно коршун. Вотще!
над продуктами к завтраку, с кофе.
Ну какой я мудак, вообще –
воспарить и взлетать на Голгофу.

Что ж мне делать? Обратно заснуть?
Чтоб без завтрака мука не длилась?
Хоть бы бегела с рыбкой куснуть,
чтоб другая хуйня не приснилась.

Я не стал бы и на пари
невесомое чувствовать тело.
Чтоб без завтрака так вот парить,
в эмпиреях болтаться без дела!

Только ты меня можешь забрать,
и спустить меня снова на землю.
Даже если похмелье с утра –
эту долю смиренно приемлю!

IV.

Стихи недавнего Времени

Замерзшее море

Ну что ж, последний полустанок
Еще впереди
Если устанешь, ко мне заходи
Есть все что надо:
Воздух с реки
Спальная полка,
Корзина, картонка,
Чемодан, саквояж
Нет собачонки

Вынь да положь:
Будущей жизни
сквозной перестук
Дальнего моря невидимый звук
Сели, налили, добавили, вот
славно, но явно
Опять перелет
Нет остановок
Рельсы летят
Ясно что едем мы наугад

Что остается: по новой налить
Славный в купе получается быт
Нам еще ехать и ехать вперед
Души в пути
Превращаются в лед
Сзади полей магнетический зов
Тщетно в обратный тянет полет
Море замерзшее
в бездну зовет.

Легкий штрих Дюрера
Легкий стих Дюрера
Паутина тайны
Засыпают тени
Засыпают книги
сном первоначальным

И штрихи и тени
И штрихи и тени
Тканью песнопения
И из тела дерева
Как явление веры –
Ужас Откровения.

Под утро мне приснилась книга
Существ чудесных бестиарий
Непроходимый смысл знаков
В веках пропавших навсегда

И непонятно что за этим
За непроглядной тенью вязи
Столетий страшных оправданье
Или последняя стезя

Под утро понял что не нужно
Стараться тщетно и упрямо
Тот код безумный разгадать
Все это уже было ране

Нумерология безумья
Неповторимый ультразвук
Такое может лишь с дыханьем
Войти в тебя неотвратимо

Осесть слоями в теплой крови
Под утро группу поменяв
Потом заснуть у этой книги
Так никогда и не закрыв

Но позабыв об этом знанье
Проснуться снова, по странице
Запомнить книгу до разгадки
Чтоб никогда не рассказать

Я иногда бываю в этом доме.
Там никого лишь тени по ночам.
Кромешна тьма,
спокойно, только шорох
существ незримых, лунная свеча
задута ветром с северных широт.
На сотни миль никто там не живет.
Душа лесов – безбрежный океан.
Но оживает моя жизнь с утра –
Заботы о любви, о близости существ.
Господь не выдаст и свинья не съест.
Тут одному спокойно, грустно, никого.
Они ушли оставив одного.
Но все же дом с обрывками утрат.
Незримо оживает райский сад.
В саду не видно обнаженных Ев.
Там только бродит, потерявшись, лев.
Пойдет направо – песню заведет,
потом над ямой пустится в полет.
Над котлованом дома, что построил сам,
чтоб там и жить, забыв душевный хлам.
Лежать в тиши и слушать темный лес.
Потом подумать – времени в обрез.

Ходят слухи, что скоро конец света
закупка гречки, хозмыла, москательного товара
еще в ходу – Аленка, Мишки – шоколадные конфеты
но всего, даже пеньки, становится мало.

Это значит – мы приближаемся к бездне,
она же глядит обратно на нас.
Это время петь последние песни
и маску носить, как носил Фантомас.

Все слухи ползут что наступает
Смутное время, и глад, и мор.
Но вести идут из дальнего рая
что там еще есть: Казбек, Беломор.

Что водка там еще 3.12
и в стаканчиках есть копеек за 7.
Магический номер, пора собираться
пока еще путь открытый есть.

Пока не замерзла флотилия духа
летит струя кровавых телец.
Пока по Тверской еще шастают шлюхи,
пока не пришел последний конец.

Так что не страшно нам. Все видали.
На полках рожки и маргарин.
И где-то в далекой синеющей дали
белеет парус одинокий.

Н.В.Г.

И Горький плакал посреди ковров.
Дул ветер. Краснофлотцы прошагали.
Стыл телеграф. Зиял холодный ров.
Оркестр гремел в прокуренном вокзале.

Отливший пулю пролетариат
крепил победу мутным самогоном.
Пустырь прибрали наскоро. С утра
на юг ушли военные вагоны.

И кто-то, песню оборвав навзрыд,
ушел в себя, горя без причины.
Кружил стервятник, чуя мертвечину,
потом взлетел куда-то за Кронштадт.

**Мой двойник в руинах книжного магазина,
Лондон, 1940 г.**

Luftwaffe, тьма, блицкриг
Вестминстер, Ковентри, развалы книг.
Мой дорогой, тебе ни до чего.
Дай посидеть за книгами с тобой.
Я это ты, но сдвинут по судьбе.
Как без меня живётся там тебе?
В развале книг, среди ночных сирен.
Но знай, что и у нас без перемен.

Крысолов

Их было трое: слепой, глухой, хромой.
Только они вернулись в славный город Гаммельн.
Сто тридцать где-то там в горе глухой.
Он может быть, еще придет за ними.

Цветастый шут, случайный гость чужой,
Как Моцарт смерти упоенно сладок.
Любой из нас, из выбранных судьбой
С любым из тех детей
Ложится рядом.

Свет в храме

Свет в никуда и ниоткуда.
Обломки статуй на полу.
Пуст темный склеп. Иуда
молчит в углу.

А Он незрим в приделах храма,
где хлад и гулкость пустоты.
И ждать там никого не надо.
Пустуют в темноте кресты.

Свет падал ниц и там являлись
осколки мраморной мечты.
Ремонт заброшенного зала.
Тень. Рядом – я и ты.

Две полосы от лайнеров на сфере.
Два параллельных рейса в никуда.
Там две души, затерянные в мире,
в двух лайнерах заснули у окна.

И им приснилось – линии сойдутся.
Неважно где, в зеркальном далеке.
Когда, пройдя таможню, обернутся
и вместе выйдут в город налегке.

La Part des Angel

Я живу предварительной жизнью.
Доли ангелов мне не досталось.
Но пока: я смотрю в те же линзы –
повторяю себе я устало.

И все резче звучат ароматы
винограда, сухой древесины.
И летит где-то меченый атом,
видно, хватит пока керосина.

Хватит бочек, бутылок и тары.
Нам бы только разжиться закуской.
Лишь язык достается нам даром,
но темнит сослагательный русский.

Доля ангелов в сумраке тает.
В упоительных тех подземельях.
В темноте очертания рая
исчезающе еле заметны.

Вдоль незримой ограды
Где медленный ток
Пробегает навстречу себе
Уроборос судьбы, там местность стоит
Навсегда как на мертвой картине
Здесь спокойно, не слышны гудки поездов
Незаметны следы по осенней траве
Мысль здесь растворима в прозрачной листве
И висит паутиной
Пограничников нет, ни собак, ни ушей
Нету камер, глазков
Но выход потерян
Где-то там за оврагом, за тенью тенет
Растет мыслящий бересклет
и известно, что в этих местах
где-то жребий измерен.
Вдоль ограды, тропинкой, что кругом ведет
До предела, где столб полосатый
Бесконечна дорога, а что там нас ждет
Весть потеряна где-то когда-то.

А.Цветкову

У кошки жизнь довольно сложная –
Говорил поэт Цветков.
Точно чачу разливая
И не тратя лишних слов.
Но таков ее был выбор
Тихо шарить по кустам.
Ну а что нам остается
Что же остается нам?
Из кустов зеленых глаза
Два загадочно глядят:
Что за жизнь у вас ребята
Чачу потреблять с утра?
Два кота Тариель, Кабанов
Нависают над судьбой
Лучше пива выпить нам бы
Освежиться на убой.
Мы глядим, и кошка зырит
Из кустов на завтрак наш.
Исчезает как багира
Незамеченно шурша.
Ну а нам что остается?
Не в кусты же нам сигать
Так тревожно сердце бьется
Нам добычи не поймать.

Пунктир. След на снегу.
Как цепь вопросов
без ответа.
Вторая жизнь
сквозит во мглу
наречием сигналов
точек света.

Пунктирных линий
временный союз,
ушедших в ночь
мерцаньем полустанков.
И тянет вниз невыразимый груз
любви в глуши
пустого мирозданья.

De Profundis

1.

Из глубины издалека
Опять в отъезжие поля
Наедине и в тишине
Звонит незримая струна
Лежит пространная страна
Где издавна была война
Ну а теперь там мор и глад
Но незаметный никому
Лишь только ветер иногда
Вдруг донесет обрывки тем
Не позабытых насовсем
И я теперь оттуда сам
себе пищу в рассрочку раз
в сто лет без всяких
видимых причин
с необходимостью вразрез
Но так и жить – наискосок
Где дым плывет от тех костров
То дуновенье от полей
Где свет полуночный светлей
Где начинается исход.

2.

Вдоль незримой ограды
Где медленный ток
Пробегают навстречу себе
Уроборос судьбы, там местность стоит
Навсегда как на мертвой картине
Здесь спокойно, не слышны гудки поездов
Незаметны следы по осенней траве
Мысль здесь растворима в прозрачной листве
И висит паутиной
Пограничников нет, ни собак, ни ушей
Нету камер, глазков
Но выход потерян
Где-то там за оврагом, за тенью тенет
Растет мыслящий бересклет
и известно что в этих местах
где-то жребий измерен.
Вдоль ограды, тропинкой, что кругом ведет
До предела где столб полосатый
Ну а дальше ведет остывающий след
Бесконечно, витиевато.

3.

Болотные огни
Низинами, лесами
По пустошам, далеким городам
Ех *nihi*ло плывут они за нами
Бессловный слог –
Невидимый метан.
Так мы живем – по освещенным трассам
Летим *ad hoc* неведомо куда
Ночным болотом и горелым лесом
В отмеченные сроком города.
Над нами поднимается надежда
Но это только будущего тень
и неизбежно манят нас как прежде
Болотные огни печальных деревень.

Ну что ж, последний полустанок
Еще впереди
Если устанешь, ко мне заходи
Есть все что надо:
Воздух с реки
Спальная полка,
Корзина, картонка,
Чемодан, саквояж
Нет собачонки
Вынь да положи
Будущей жизни
сквозной перестук
Дальнего моря невидимый звук
Сели, налили, добавили, вот
славно, но явно
Опять недолет
Нет остановок
Рельсы летят
Ясно что едем мы наугад
Что остается: по новой налить
Славный в купе получается быт
Нам еще ехать и ехать вперед
Души в пути
Превращаются в лед
Сзади полей магнетический зов
Тщетно в обратный тянет полет
Море замерзшее
в бездну зовет.

Сезон дождей затянулся, ограда промокла.
Выедешь за город: склады, пакгаузы, лавки
все отсырело, намохлились бензоколонки.
Дальний товарный замер и частью пейзажа
стал, как и закрытый шлагбаум.
Мы погрузились в машинах в вечную спячку.
Кто его знает, когда этот город откроют.
Там вероятно никто не смеется, не плачет
просто живут себе ожидая второе
пришествие. Его и не будет. Этот сезон
затянулся на три поколения. Все отсырело
церкви и тюрьмы, селенья.
Да и никто не услышит побудки.
Так и живем, сам себе каждый спаситель.
Только заметен мираж на горизонте.
Где-то вдали за пределом в тающем свете
виден рассветный Киннерет на контурной карте.

Пока я сижу и кропаю себе,
всегда между делом, фальстарт
ведет ответвленьем к глубинной трубе.
Невидимый зиккурат
зияет во тьме инфракрасным столпом.
Я вижу его иногда.
И бьюсь я об стену возвышенным лбом,
об стену где надпись «судьба».
Еще там написано «СССР».
Еще обозначено «х-й».
Пока руководство не приняло мер.
Но в общем-то ты не горюй.
Поскольку ни Бродский, ни Бог, ни судья
не знают, что там, за стеной,
где иероглифом слово «судьба»
на двери забитой одной.
Еще есть табличка, что там «эсхато-
логический первый отдел».
Тогда застегну шерстяное пальто,
чтоб выстоять беспредел.
Пространство и время текут из глазниц,
туда, где Всевышний все ждет.
Стремим в пустоту полет наших птиц,
все выше и выше в полет.

Шелкопряд

Медленно, как нити шелкопряда
Дни идут не ведая себя
Но судьба выносит мне со склада
Курево, кусочек бытия.
Времени мне явно не хватает.
Хайдеггер нечитанный лежит.
И куда-то разлетелась стая.
Без нее мне стало легче жить.
Не вступать в бессмысленные споры,
Не курить ипритных сигарет
Но растут невидимые споры
Непредвиденных, но очевидных бед.
Я теперь с тобой не унываю
Ведь плетет нам где-то шелкопряд
Легкое, в разводах, покрывало.
Но пустеет постепенно склад.

Догонял на пути улетевший дым,
горизонт по ходу дела искал.
А потом осознал, что совсем один.
Никто не помог, догадался сам.

И тогда пошел не в разнос, в себя.
Сам себе очки протирал-втирал.
Это кто? А кто ж еще – это я!
Это наша с тобой на прорыв игра.

В перископ души увидал луну.
Но д.р., рост, цвет глаз, ПМЖ –
не забудешь, когда ты бредешь по дну
в ту страну, где живут еще и уже.

Я как будто знаю ее –
трепет узнавания и т.п.,
Сердце вроде опять за свое.
Пора остановиться на самом себе.
Проверить ящики, провода, карманы,
заглянуть к себе в душу в поисках дома.
Покинуть хаос, выйти на ветер рано,
дойти до реки к причалу парома.
Увидеть ее со спины, куда-то –
издалека в пограничном, тающем свете, –
к фантому моста на фоне Канады.
Позади тлеют все те же беды.
Надеюсь, дойдет до начала, до пада
града, звезд, снега, до лета.
Мне не догнать. Да и не надо.
Бреду один на источник света.

Пройтись. Купить котам паштет
и облачко тоски развеять,
в уже очнувшейся листве
Москву весеннюю заметить.

И, до угла дойдя, забыть,
зачем я вышел в это утро.
Порой спасает просто быт
и замолкает Заратустра.

Купить повыше, на углу,
лукошко ягод, дольки дыни.
На час не вороша золу
и не массируя гордыни.

За супом полверсты пройти,
чтоб подсознание заснуло
и осветило два пути
пешком в Безбожный переулок.

Помедлить в парке у реки
до возвращения в пенаты,
туда, где ждут меня коты.
Они ни в чем не виноваты.

Но там, с собой наедине,
в просветах поднебесных окон,
душа моя горит в огне
и стих роняет ненароком.

Транслингвальная поэзия

Табакерка. Алюминий от Мессера,
впаянная красная звезда цветного стекла.
«Полковнику Я.А. Грицману от бойцов 222-й стрелковой дивизии,
33-я армия, 3-й Белорусский фронт. Под Оршей. 1943 г.
Местоположение: книжная полка Restoration Hardware,
между Кафкой и Целаном.
A.Y.Gritsman, M.D.
210 Riverside Drive, 7D
New York, NY 10025
Rauchen ist nicht verboten.

Сегодня заглянул в спецхран
нашел все тоже и еще
бычок, стакан и список ран
и раза три через плечо
и понял я как ни живи
опивки плавают на дне
кому история нужна
и вспомнит кто что всё в говне
по-прежнему летит на цель
в контейнере тестостерон
плывет как в сорок первом пыль
и слышны трубы похорон
мерцает одинокий крест
над бесконечностью равнин
в овраге обгорелый ствол
стоит как верный гражданин
сегодня заглянул в спецхран
там пыль на миллионах дел
и человек кричит во сне
отравлен блюдом из плевел

Я не знаю, что будет завтра.
Дождь, разлука, с миру по нитке.
Там, где лежу, – провал слева,
Справа сопит черная кошка.
Голубь порой к окну прилетает,
Да и тот, скорей всего, с орнитозом.
Мысль печально годы листает –
Помнишь, какие были заносы...
Денвер закрыт, и Эл-Эй, и Ньюарк.
Как-то давно все это было.
Вчера, когда брился, нашел на полке
Давний кусок бельгийского мыла.
Так все и идет – твой окурок,
Скол на стакане, забытая книжка.
Этих сплошных ожиданий морок
Дышит оврагом глухим, нездешним.
Но и спасибо кому-то за это,
За светлые пятна от встреч на жизни.
Жизнь – это слов, умолчаний меты –
Всё на краю нашей общей бездны

На окна – антивандальную клетку
Ушел в себя и забыл о запасе
С белья постепенно стерлись все метки
Теперь и до прачечной не доехать
Не забыть бы с собой сырковую массу
Помню сдавали исподнее в сетку
Помни ходили на угол за водкой
Так и ушел я в себя чтоб осталось
Место и время и угол нагретый
Где сохранил я душистое мыло
И с того света приветы заветы
Так что остался один на излете
День оказался продленным и дальним
Чайный припас, завтрак – и дыня
Ягоды волчьи, йогурт и творог
Кофе на кухне забытый остынет
Он без тебя остался нетронут.

Питер Брейгель

В темном плаще вдоль безграничного поля
я уйду далеко. Что меня ждет: город, ли море?

Поджидает ли карлик в овраге, застыв бездыханно?
В черном плаще направляюсь я в странные страны.

Там безвременье, там время остановилось.
Тихо луна за облаком бредущим скрылась.

Я покидаю места, где люди без смысла коварны.
В черной одежде проснулся и понял: пора мне.

Вдоль бесконечного поля, но зная, что путь мой, хоть долгий,
но верный.
Брейгель седой меня ждет в придорожной таверне.

Пива густого мы выпьем, потом незаметно
мастеру я передам мой гюльден последний заветный.

Вместе пойдем мы к деревне, где время остановилось.
К дальней деревне, которая часто мне снилась.

Город в лимбе. «Самовар» заколочен.
Жестяная листовка грохочет
летит на ветру до Центрального парка.
Habitat одичал. Алиса уснула
и Харон сел за Юбер.
Люди в масках повсюду
и все. Родители
не различают детей в удаленке.
Circle line катер спует
не находит Пирс шестнадцать.
А Свобода в маске в защитных очках
взирает на кратер.
Жанна Д'Арк все грозит Garden State безуспешно.
Ну а я исчезаю в скворечне своей.
Полицейской сирены не слышно.
Им наверно по важным делам безоружно.
Гудзон мерно катит безмерные воды на Ellis.
Да еще одинокая баржа тихо тянет к Канаде, не зная,
что граница закрыта. Только рыси
по темным болотам побегом на север
в поисках крови.
А я засыпаю с резиновой маской на морде.
Снится отпуск на Ипре,
Зеленая Фландрия.
Пустынное небо
и возвращенье в мой город,
потерянный в лимбе.

IVY HILL*

Неслышный шорох запыленных фото.
Молочное свечение рутины.
Так в сумерках глухого карантина
спят пятна неразборчивого света.

Непрочна ткань родительского быта,
вернее материнского, иного
и нет, другого нить забыта.
Оставлена за временным порогом.

Поэтому и строишь на рассвете
дом, теплый и условно-иллюзорный,
когда душа, теперь за всё в ответе,
плетется от парковки вдоль забора.

* Дом для престарелых русских эмигрантов в Нью-Джерси.

Памяти Михаила Юдсона

Господи, дышать так трудно.
Как низко небо. Граница близко.
А всё, что надо: глаголов связка, банан, ключи,
фалафель, ручка.
Остыл компьютер, душа теплеет,
к пути готовясь, домой на волю.

И что ж ты, Миша, нас тут оставил?
Факир метафор. Дыра чернеет
в исходе боли. А может всё же
еще за банкой через дорогу
на Бен Йехуда?
Как было раньше.
Путем Ухода – не надо больше.

Мы в тупике: пакгауз звуков,
Наречий наледь, х-я искусства.
Спасибо Миша, что дал нам слово.
Так стало пусто. Так стало пусто.
До встречи, Миша.
До встречи снова.

Ноябрь 2019

Кемерово

Мы сегодня спросили у Бога:
если нету на нас управы,
кто же смотрит в упор и в оба
сверху, слева, снизу и справа?
Но ответом нам есть молчание.
Так и нам залепить бы горло!
Чтобы слышен был клик отчаяния,
чтоб отчаяние не заглохло.
Чтоб, когда и ни зги не видимо,
увидать за пределом жизни
те огни, что горят без имени.
Ну а мы живем, только если
эта мука до нас дотянется.
Боже, имя твое, как звать-то?!
Вот тогда эта боль останется,
если речь сжигаешь, как платье!

Вере Полозковой

Не мысль, но жест, полет руки и шепот.
Огромных залов нестерпимый ропот
Не заглушает шелест снов души.
Как будто снова мгlistой ночи копоть,
И строчка женская через бульвар спешит,
Прикрывшись шарфом, лайком и флэшмобом,
Она легко спешит на встречу с небом,
Не внемля клевете корыстных бонз.
В пропахших залах фимиамом, серой.
Они, ущербные, живут без веры.
А по Москве хрустит живой мороз.

Александрю Кабанову

Как от самых краин – с Украины
и с Гудзона. Сквозь зону сквозь сон
мы бредем от таможни к таможне
с чемоданом бездонным
через взлетный пустой полигон
из загона в закон.

Мы идем по секретным айфонам.
Засекреченный светится код.
Мы бредем по чужим полигонам.
Никогда нас закон не найдет:

Ни ОВИР, ДНР, ни Безпека,
INS, ЦДЛ, БТР.
Но стоит до скончания века
наш заплеванный пушкинский сквер.

Мы идем до скончания века
в бесконечно глухие места.
Где нечистая селится сила
и где тлеет костер неспроста.

Там мы встретимся рано ли поздно.
В поле том обгорелом нас ждут.
Там всегда и спокойно, и грустно.
Только слышится дальняя песня,
но и та улетает в пургу.

Сумрак да обгорелые ветви,
Берег несудоходной реки.
Головни и баркасы, и сети.
Мы теперь ни за что не в ответе,
вдох и выдох как звуки легки.

Там к костру подойдут, словно в зоне
кого случай дорожный занес.
Все знакомы, родные нам вроде:
вот Степаныч и дамы в законе.
Еле слышно чего там на взводе
сам Эмильич бормочет под нос.

Т. Д.

Межсезонье, – сказала Таня.
Межсезонье, – я повторю.
Предназначенное расставанье.
Возвращение к букварю.

Москва, достать планшет и плакать.
Игру словесную забыть.
Мимо любви в одно касанье,
чтоб в электронное мерцанье
разрыв пространства превратить.

Ну что же, – межсезонье, Таня?
Московский зимний нарратив.
Еще нас ждет Средиземноморье
и гниль Венеции святой.
Какие тут уж разговоры?
Пора понять: куда домой?

Не время игр – не в этой зоне.
Да и вообще – давно пора.
Но, Таня, все же иногда,
когда иду я по бульварам,
и пух летит, июнь, пурга:
кольнет московская игла.

А что подходит к изголовью?
Бульварный шум, базара гам и ГУМа гул,
патрульный вой, зов Ленинградского вокзала.
И режут глаз оскалы скул
в метро последнего разлива,
когда в вагонах никого.

Да и куда нам ехать дале.
Где мы живем теперь-то, Таня?
На чьей ничейной той земле?
Приречной, там где я. Живу я,
давно построил дом в долине.
Там и живу с тех пор поныне,
не унывая в январе.

В июле здесь, пожалуй, жарко.
Вдали Венеция цветет
заплесневелой аватаркой,
зеленой каменной баранкой,
и мертвым островом зовет.
Из-за закатного залива
последний катер отвалил
к далекой пристани вечерней.
И снова опустел залив.

А там и небо почернело,
и боль немного отпустила,
и, может, ты меня простила.
Но я не всё простил, седея,
себе, а времени в обрез.

Такая вышла Одиссея.
Аэрофлот пророчит даль.
Стихи невидимо посеешь,
они вначале голубеют,
взойдут, потом лежат как пыль.
А пальцем проведешь по полке:
Ну, скажем «межсезонье», что ли.
А смысл – как в стогу иголку,
все неразборчиво и – «боль».

Уйдешь, и в опустелом доме
Застыли наши тени немо,
графин с последним алкоголем.
По окнам – чьи-то фары мимо.
Потом судьба просыплет соль.

9 мая

Я не знаю, о чем вы там помните.
Мертв слежавшийся дух катакомб.
Это памяти крохи укромные.
Те, которых Господь не сберег.

И не нам ковырять, унаваживать
Карфагена просоленный грунт,
и себя постоянно уваживать,
чтобы вовсе навек не заснуть.

Взрыв бризантный рассыпчатым крошевом
засыпает предутренний сон.
Ну, братишка, и как твое отчество,
чей ты будешь, не сукин ли сын?

Так шеренгами жгут поколения
берегами мертвеющий лес.
Так мы дышим продуктами тления,
и ужасен пустующий крест.

Мало осталось от времени этого.
Инициалы только остались.
С кем я тогда продолжаю беседовать?
Будто того, что было мне мало.
Кто же теперь мне станет советовать?
Кто у ворот со свертком догонит?
Словно иду я по стылому следу,
И уж давно отстала погоня.
И уж давно помело отметелило.
Лишь бы остались инициалы.
Да на доске начертано мелом:
Сахар в моче, натрий и калий.
Известь в крови, да эхо далекое
На неизвестном наречии слышится.
Может уехать, но все же морока
Переворачивать снова страницу.
Входы и выходы заколочены.
Брезжит мираж аэропорта.
Визы проставлены, но просрочены,
Да и заполнена бывшая квота.
Все же живу я инициалами.
Но неизвестно заветное имя.
Так и записано алым по алому.
Облако плавает синее в белом.

Пепельный свет луны^{*}

Луна видна целиком.
Но солнцу она недоступна.
Подсвечена тем молоком,
что льется Землей подспудно.

И падает небо на нас.
На наше земное безумье.
Так иллюзорна весна,
когда осветит накануне

иллюзию пепельный свет,
вторично луной отраженный.
Так свет от бесчисленных лет
летит приглушенный и донный.

Я в дорогу готов
проводимый не нужен
чемоданчик со мной
на дорогу съел ужин.

^{*} В тексте использованы темы Pink Floyd, Dark Side of the Moon.

А куда я иду
только птицам известно
где-то в райском саду
есть заветное место.

Там мы с Евой вдвоем
самобранку разложим
змея зайдет на глоток
на четыре, положим.

Так втроем посидим.
Плод надкусывать будем
а что будет потом?
О том лучше не думать.

Март. А что ещё остаётся?
Доедаю на солнце морковь.
Словно заяц предсердие бьётся,
и желудочек выдохнет кровь.
У дороги стою снежным дедом.
Так неожиданно случилась любовь.
На дорогу гляжу напоследок,
проступают прогалины слов.

Дом у лесной дороги

В заброшенном доме,
где даже и души истлели,
никто не умрёт,
никто не постелит постели.

Я мимо пройду,
случайный ходок-неудачник.
Одно утешенье,
что путь мой обратный оплачен.

Но, впрочем, туда,
где пыль в позаброшенном доме,
туда же душа
почему-то и чем-то влекома.

Вот так и проходит прогулка:
то мимо пустынного дома,
то мимо себя самого.
Дорога моя незнакома.

Долгий бессмысленный дождь.
Грусть по долинам и взгорьям.
Скажешь себе: ну и что ж?
Может, доедем до моря.
Там, где заветный маяк
Дальним лучом освещает
Путь до слияния рек,
Где горизонт обещает
Контуры стран без имён,
Стран безграничных за картой.
Резкий пронзительный звон!
Я просыпаюсь за партой.

Письмо из Текоа

Игорю Бяльскому

Все нормально – сжав зубы.
Теракты практически каждый день.
Сегодня утром хоронили
учителя школы из соседнего поселения,
в которой работает и Майя, наша невестка.
Господь велик, но Аллах акбар.
Но ...и это пройдёт, как сказал
древнейший классик.
Светел образ его:
столб огня ночью,
облако пыли днём,
застывшие навсегда
над Oswiecim.

Виталию Науменко

Сквозь блажь Москвы,
Сквозь гарь пристанционных городов,
Сквозь градообразующий маразм
Негромко слышен то ли шум листвы,
То ли души, читающей с листа.

Так траектории небесных бранных тел
Вдруг сходятся в купе или в кафе.
Плывёт нетленный пух и чёрный снег, и эхо –
И весь пейзаж летит к нам налегке.

На волосок от крайней полосы,
Где отчужденье мороком висит,
В бессонном предрассветном молоке
Она одна наедине стоит.

Одна она, знакомая жена,
Сестра сквозной полуреальной жизни.
Там часовые пояса горят дотла
В закате на заре, и самолеты виснут,

И гул плывёт туманом на рельеф,
Дикорастущий быт на слух меняя,
Шумит вода, скрипит весло, паркет?
Сочится речь, неслышная, живая.

Я подумал, что Уэльбек прав.
Я пил каберне, читал Уэльбека.
Что случится завтра, было вчера,
Общее место отмерено человеку.

Вокруг гвалт субботний, американские девки
манерно визжат, будто жизнь получилась.
Циклон плывёт на Дальний Восток, на запад,
и я напиваюсь легко, в полсилы.

Помнишь – в поэзии нет оправданья.
Мерцает незримая ватерлиния.
Всю жизнь дожидаясь с ней свиданья,
Хоть голова давно уже в инее.

И имя твоё – личина распознавания.
Полезно уехать в страну артиклей.
Кто коронован своим умлаутом,
кто держит за хвост свой Fin de siecle.

Держаться подальше от всех названий,
от наименований в сухой анкете.
На этом безвременном расстоянии
ты всё же заметен в рассеянном свете.

Темень последнего полустанка.
Печь погасла, кассирша ушла.
Осень ранняя в полях –
Грусть безмужняя,
даль бесснежная.
По служебным делам – в отъезжие.
Тут все неспешно.
Нету приезжих, иногородних.
Лишь тишь Господняя.
Висит над нами свободное небо
безродное.

В баре

Ядовиты цветы в мерцании бара.
Сосущие губы в холодном растворе.
В змеиных извивах – левантская пара.
Текучие струи греховного пара.

Лоснящийся треугольник безумья
и насекомое татуировки.
Бэкграундной музыки медленный зуммер.
Без поводков когтистые девки.

Желанна и страшна исчадия свора,
и сладкая пудра подобьем дурмана.
Внезапно сквозь морок животного гама –
случайно блеснет блесна разговора.
В табачном тумане полуночной серы
Вдруг встретится взгляд родной и смиренный.

Колизей

Геометрия смерти.
Выжженный овал.
Губы камня.
Черствый хлеб.
Песнь ветра,
летающего
к оливковым рощам памяти.
Переплетение, смещение.
Сумерки в долине.
Туристское месиво днем,
каменное кладбище ночью.
Но в воздухе: соль
на земле Карфагена,
соль у Масады.
Тугие паруса,
направленные в никуда.
Тупик. Цепные псы
мертвых Цезарей.
Сонная сиеста.
Италийские тени в каменном саду:
свежая паста,
древний рецепт соуса.
Нещадное солнце щедро жарит,
слепо плавит маску
на лице гида родом
из неизвестного
берберского племени,
в майке с именем Тотти.

Боргезе

Это место, где время остановилось.
Пахнет хвоей, платаны немногословны.
Дышит прекрасным склепом, а не глухой могилой.
Мысль ящерицей скользит, слава Богу, мимо
по камню, выжженому солнцем,
тронутому старой кровью.
Наконец я спокоен. Все со мной, и более,
дышу настоем лучшего, что осталось.
Этот отвар крепче, если настоен на боли,
но на вкус не скажешь – много ли, мало.
И когда отплываешь – в тебе навсегда остается
брат Бернини, друг ненаглядный, сестра Мария,
и небосклон невозможно синий,
вода из глубин бесконечно льется, –
давно позабытое, но родное имя.

Давно я не был в Риме – ты права.
И тихой грустью пахнут те слова:
Мел, плесень, охра, кофе на углу,
тень пиний, уплывающих во мглу.
Тот жаркий день в Боргезе в тупике,
Гниющий тлен в мелеющей реке.
Холм Капитолия в прохладной тишине
И письма на выжженной стене.
Все это ждет возврата на века
Пока не высохла усталая река.
Сухая кровь из-за морей зовет
Душа навстречу просится в полет.
Сквозь дым пространства, взятого в кредит,
на время в Рим вневременный летит.
Я узнаю проулки и дворы,
но город словно вышел из игры.
Вдоль Тибра улиц сонных череда,
где опустили ставни навсегда.

На выставке

Немой музейный экспонат
подвержен безучастным взглядам.
Там кто-то глянет невпопад,
непоправимый, ненаглядный.

Но надпись тусклая ясна:
родился, жив, развелся, выжил.
И не вселенская тоска,
но и не вечная весна
в чертах неуловимых дышит.

Взглянув, скучая, на портрет,
пройдет искусствовед воскресный.
Потусторонний донный свет
ему вослед дохнет из бездны.

Сны ползут, как бесшумная газовая атака.
Душа отлетает и тычется в потолок.
Ждет какого-то символа, голоса, знака.
Что означает в душе обозначенный срок?

Да и кто этот бред заранее знает?
Сходятся катеты в замкнутой комнате встык.
Какая глава там и стих? И пытаюсь со сна я
выслушать шорох, вздох или звук.

Встреча в полете, где линии не параллельны.
Душа и судьба – не понятно сойдутся иль нет
В день безработный или в седьмой понедельник
прянет листок отрывной, где записан ответ.

Так разбираешь навзлет, что раскидано все.
Черт его знает – время пришло собирать?
Так и лежать одному, мечтая, взыскуя, тоскуя?
Все это скроется в донных нейронах с утра.

Потемнело. Наохлились птицы.
Всю дорогу во сне замело.
Все равно я живу за границей.
И в окне помутнело стекло.
Ну и что? Остается отрада:
те последние книжки листать.
Заросла постепенно ограда,
и не видно в тумане моста.
Заходи же ко мне на подмогу,
если ты еще где-то жива.
Нет границ, и открыта дорога,
а к утру облетела листва.
Впрочем, все это мы ожидали:
ранний вечер, ночной натюрморт.
Но, глядишь – никого не осталось,
и во мраке пропал поворот.

Сколько душ перелетных?
Сколько возможно вынежить?
Превращаешься в ящик,
в котором старые письма давно пожелтели.

Сколько осталось неспетых и дремлющих песен.
По ту сторону жизни, на том берегу
Сены, Вены, Гудзона ли.
Каждый раз сердце полно последней надеждой.
В ящичке этом полно пыльцы, или пыли,

Пятна снежинок – женским почерком нежным.
И бессмысленно биться, легче расстаться, растаяв
в долгую ночь, где ждут тебя тихо:

Женщина-осень, Баба-Яга, Лорелея
к темной реке зовет тебя ласковым смехом.

это время проходит сквозь нас насквозь
мох и камня серая кость
седина на елях и на березах
позовешь, так холодно – тает отзыв

нет, родная, нам бы все переплавить,
пережить, переждать, на П.О.** отправить
и тогда мы найдем, где живет подруга
или вешний друг, там бормочет вьюга

там Кащей сидит и играет в карты
там Яга норовит на всю смерть накаркать
ну а мы пройдем по лыжне бесшумно
в тех местах глухих от мороза дымно

мы уходим с тобой на одном дыханьи
шепот наш или крик и на расстояньи
кто услышит? да мы – как всегда – друг друга.
тихим эхом гудит навсегда округа.

* Почтовое отделение.

Всех приглашаешь к себе на постой.
Помнишь, с грехом пополам, все даты.
Переставишь книжку с полки на стол.
На морде заметишь кусочек ваты

в зеркале, где отражается дом
кирпичный напротив, трубы и небо,
в стынущем воздухе легкий дым.
Молча глядят фотографии слева.

Там вся генетика жизни моей:
сумерки мира, осадок похмелья,
время отрыва и сбора камней,
жадный глоток приворотного зелья.

Но продолжается этот гон,
гомон и стопка на расставанье.
Вижу – пока не начнет снег,
месяц плывет, молодой, да ранний.

Какие там ставят вежи?
К себе бы, глядишь, добратся,
допить и достучаться.
Вокруг шестерят калеки,
коллеги, угланы, курвы,
цедители понемножку.

Мы ждем с тобою до снега
свистящей в долину вести.
Скажу, потому не вместе
мы в этот раз оказались,
что ждал я в другом вокзале.
Смотрел на часы раз сорок,
сел в поезд, идущий в море,
и замолчал до срока.

Теперь шевелятся губы,
теперь все равно докуда
дорога – лишь память гуда,
вокруг лишь столбы, сугробы.

Слово никто не расслышал.
Времени не существует.
Дверь в пространство –
за лазерным облучением.
Где-то кукушка в пустой избе кукует.
Волки воют на дрон беспричинно.
Вот такая у нас идет катавасия.
Только погода неизбежно меняется.
Тянет ляжку до смерти бедный Савраска.
А умный все так же сосет из пальца:
гной с сиропом, серу с ртутью. Падаль
легко распадается на элементы почвы.
Что гектограммы? Экая невидаль!
Пока живем, смерть заочна.
Вот институт – в коридоре портреты страшные.
Их именами мы все клянемся.
Лишь костер последний шевелится непогашенный
на другом конце города на пустом погосте.

Х. Л.

Жил человек в Таллине, а в общем нигде – нигде.
Среди четырех вампиров, между пяти ошибок.
Всевышнего не гневил, жил как жил по судьбе,
и негде поставить было в стекле золотых рыбок.

Писал как писал, долго и нелегко,
выпивал с утра бормотухи – одним духом
с Наташей и Мишей, а то и ни с кем. Еще-то там кто?
Думали, перемелется и не станет мукой.

Только однажды неизвестно откуда, куда
спустилось облако на поля в рентгене.
То ль поцелуй перепутал Иуда с утра,
то ли кто не туда пошел по пустыне.

Теперь не видеть ему боле когтистых крыш.
И кому в наши дни делов до надгробий?
Бывает выход один – когда помолчишь.
Такая теперь на весь свет хвороба.

Мутной струей сквозит в вену новый иприт.
Мы дожили до этой беззвучной войны.
Он теперь тихо, как жил, не дыша, спит
и видит такие вот лучшие сны –

Кого встретил он на своем пути:
Мишу, Наташу, Виталика, имярека.
Сто по утру, клочки бумаги в горсти,
евро два или три,
чтоб перейти ту реку,
где на том берегу
ждут его, кивая,
черные маки.

последняя строчка никак не идет
и нет объяснений тому
с последним гудком ушел пароход
в соленую влажную тьму

и кто там остался – не разобрать
не брат ли – так не было брата
сестра ли приходит во сне навещать
в палату чужого солдата

вот так я всю жизнь провожаю себя
но вот повстречается тот кто
подскажет мне строчку и хлынет вода
и пена взорвется за бортом

и я обниму твои плечи легко
признаюсь, что знаю все строки
с тобой мы вдвоем уплывем далеко
раскинулось море широко.

Куда идет дорога! Он идет.
Их трое, самых близких.
Дым навзлет плывет в Инферно,
Там на горизонте.
Мохнатый Мишка, кукла Сирота.
И он один, без имени, наверно.
Верней нам не узнать.
Все дальше дым. Белье просохло,
В доме кто-то есть.
В очках мальчишка. Он узнает весть.
Спешит малыш. Пока еще светло,
Пока тепло. И виден след,
И небо не промокло.

Забутые кепки в такси
В такси позабутые кепки
Проси ты себя не проси
Повсюду лежат твои метки
Как будто нашел наконец
Такси как среду обитанья
Как кепку забудешь в такси
Как раз загадаешь желанье
Желанье увидеть ее
И видеть всю жизнь до рассвета
Лежат они где-то молчат
А может под ними ответы?

Стив Маккуин

синий дым из-под шин
рев и скрежет но помнишь
только взгляд враз и навзничь
лед и неразрешим

навсегда мы запомним
дым и жало судьбы
вам ублюдкам бесполом
это – взгляд сатаны

раз в сто лет и не будет
повторенья и зов
неожиданность судеб
и убийственность слов.

Их было семеро, они курили
И ковш зеркально точки отражал
В далеком небе пролетели Миги
и этот миг остался навсегда.

Я больше их не видел никогда
и только лишь Медведица осталась
свидетелем той сходимки на углу
потом туман покрыл все покрывалом
и превратилась встреча их в золу.

Ну что сказать? Белым бело.
Как будто и не начинали.
Как войлоком заволокло
все улицы и далеко
белым бело и запах гари.
Ну что сказать: крути, крути
как белка в колесе педали,
как в нашей школе говорили -
пока п... не дали.

Я все кручу, и все иду и все надеюсь
на погоду. Ну а вокруг на белом фоне -
на озверелом марафоне
уродо-идиоты идут как на войну.
И вот те на - и не война, и не чума
но все ж - напоминанье.
И все надеешься, что - жизнь
сама предложит оправданье.

А небо белое вдали
плывет за океаны,
и там белеют корабли
на рейде от живой земли
на карантине - страны.

И что сказать: белым-бело,
история не учит.
И что-то сердце затекло,
плечо по ветру мучит.

Фанерный лист на город пал
псевдозащитным кровом.
Аэропорт пустой, вокзал,
а в Бруклине, на Брайтон-бич
не пахнет даже пловом!

Огни Марфы

Печальные огни маленьких городов Техаса
Мерцающие души убиенных всадников
На бесконечной безродной прерии уходящей в никуда
Ничейная земля, черная подземная кровь
Техасские городки: Марфа, Москва, Одесса –
Дикие огни дальних имен, залетевших из космоса
Как семена на дикое поле
Я это видел пролетая 100 км в час по дороге в никуда
Из ниоткуда пока на горизонте не засветилась планета Хьюстон
Блуждающие огни светили мне в спину
И под утро мне приснилось, что позвонил отец
Которого я не видел семь советских лет
Проснулся – позвонил отец, после семи лет
И я услышал свой голос
И он убедился что это я –
Единственный сын,
Родившийся сразу после войны
И я унес в себе блуждающий огонь
Который мерцает у меня между лопаток.
Мне интересно, что с ним будет и куда он
Денется, когда меня не станет.

Вся жизнь – это продолженный краш-тест.
Долгий, протяженный, скрытый.
Манекены бросает друг на друга
Случайно, без их понимания,
Что выхода нет. Но они летят
Все же в надежде избежать краш-тест,
Как будто у них есть хоть какой-то
Контроль над ручками, кнопками,
Автоматическим реагированием.

Ты спросила: а где был Господь
В 1347, 1918 году, в 1944 году,
Где он теперь!?
Но краш-тест идет. Сам по себе,
Вне контроля, живет своей жизнью,
Жизнью испытаний, если
Это можно назвать жизнью.

И все же – давай не прогуливать,
Сядем за руль, закроем глаза,
Зажмурясь, нажмем какую-нибудь кнопку
И полетим в любом направлении
В непознаваемое, где нет никого,
кто мог бы проанализировать
результат краш-теста.

Тени мои. Сети.
Стоны, вздохи, смешки.
Свет ниоткуда, нерожденные дети.
К празднику черные пирожки.

Только Дельфтский высветил
Тени, карту, кувшин, струю.
Что там за домом, за кирпичной стеной?
Дети в проеме, оконная темь.
День начинается, тени отходят
В сны, чтобы вновь появиться
И взять меня в плен.

Все что мы видим
Тени и стены, жизнь до черты
И после черты.
Знаешь, что всем своим видом
Ты тенью становишься,
Но сохраняя черты.

Тени, тенеты, лунное тело,
День ускользает, в кругу темноты,
Тень растворяется, становится мелом,
Телом послеживущим,
Летящим к себе,
К тени твоей
Потерянной временно
В дальней и неизвестной судьбе.

Наступили конечные времена.
Отовсюду ползет по устам пелена.
Да какая страна, никакая страна.
Так война, не война.
Ловим рыбу у берега черной дыры,
чтоб наестся на память черной икры.
Но, в общем, ребята, не страшно,
коль есть Вавилонская башня.
Подтяну-ка ремень, подворотничок,
и отдам арамейскую честь.
У меня до сих пор не зарос родничок,
и вообще, аномалии есть.
А, Господь, он является тайно во сне.
«Поднимите мне веки» – бурчит.
Кто погиб на войне, кто остался в печи,
кто ДР, так ведь всех не учесть.
Ну попробуем: первый, второй и шестой,
и двадцатый. Но дрогнет рука.
Там, под холодной и безымянной плитой
в темноте протекает река.

Чертеж души:
Семь катетов, квадрат,
Две параллельных линии скрещенных.
Тот след теряется за гранью без следа
В рассеянном и мутном освещенье.

Чертеж души: три катета, квадрат,
Гипотенуза, дальняя дорога,
Казенный дом, а дальше, в аккурат –
Встать у ворот и подвести итоги.

Чтобы потом отправиться в полет.
Ночной полет и дальше нету карты.
За тот предельный сумрачный предел.
Как будто снова я сижу за партой.
И у доски – потусторонний мел.

Сегодня спектакля нет.
Звезды погашены.
Тени растаяли.
Гулко.
Тихий прохожий у входа.
Из переулка
дальше шаги пропадают
Редкие окна мерцают.
Тихо как в склепе.
Что он стоит там?
На что он надеется?
Что там?
Нету спектакля сегодня.
В зале пустоты.
Нету спектакля сегодня.
Звезды погашены.
Гулко.
Тень его тонет
В бездонной трубе переулка.

АНДРЕЙ ГРИЦМАН

Поэт, эссеист, редактор международного журнала поэзии «ИНТЕРПОЭЗИЯ». Родился в Москве. Окончил Первый медицинский институт им. Сеченова в Москве. С 1981 г. живёт в США, работает врачом. Пишет по-русски и по-английски.

В 1998 г. закончил программу литературного факультета Университета Вермонта со степенью магистра по американской поэзии. Автор более десятка книг поэзии, эссеистики и прозы на русском и английском языках.

Последние две книги изд-во «Время» – «Поэт и город» (эссеистика и проза) и «Спецхран» (Воймега). Публикации в России в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Арион», «Вестник Европы», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Новая Юность», за рубежом: «Новый журнал», «СЛОВО-WORD», «Иерусалимский журнал», «Зарубежные записки», «Крещатик» (Германия) и др.

Стихи включены в антологию русской зарубежной поэзии «Освобождённый Улисс», в несколько англоязычных антологий. Главный редактор антологии «Stranger at Home. American Poetry with an Accent» (Чужой дома. Американская поэзия «с акцентом»). Поэзия и эссеистика А.Грицмана на английском языке печатается в американской, британской, ирландской периодике.

В 2005 г. вошел в шорт-лист премии по поэзии Американского ПЕН-Клуба; несколько раз был номинирован на премию по литературе «Pushcart Prize». В течении многих лет ведет серию поэтических чтений «Межкультурная поэзия» в Нью-Йорке.

Стихи А. Грицмана переведены на несколько европейских языков.

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ TEXTUM @RANEUM

Заснована у 2010 році

Андрій Грицман

Личное сообщение

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60 x 84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 2024
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 8,14
Гарнітура «Book Antiqua».
Підписано до друку 30.07.2022 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.